

Slovák, Václav

Вклад теории грамматического синкретизма в описание синтаксического уровня языка (на материале русского и чешского языков)

Новая русистика. 2018, vol. 11, iss. 1, pp. 27-38

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/138177>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Вклад теории грамматического синкретизма в описание синтаксического уровня языка (на материале русского и чешского языков)

The Contribution of the Theory of Grammatical Syncretism to the Description of the Syntactic Level of Language (on the Material of Russian and Czech)

Вацлав Словак

(Оломоуц, Чехия)

Abstract:

Grammar syncretism is understood as discrepancy between form and contents of the language sign. Syncretic phenomena include both the issues when contents are in contradiction with their forms, and so-called transition phenomena. The article deals with syncretic phenomena at the syntactical level of the Russian language and they are compared with analogical phenomena in the Czech language. Syncretic phenomena of subordinative relations, sentence members and modal types of sentences are focused on, in particular. Results of the research can be of importance for the theory of language, teacher-training and translatology applied research.

Key words:

grammar syncretism; subordinative relations; sentence members; modal types of sentences; comparison of Russian and Czech

Описывая синтаксический уровень языка, лингвисты сталкиваются с проблемами классификации многих языковых фактов, не попадающих в традиционно выделяемые группы языковых явлений. Цель настоящей статьи — представить вклад теории грамматического синкретизма в описание разных сфер синтаксического уровня языка, заключающийся прежде всего в возможности естественной классификации трудно классифицируемых языковых фактов.

Считается, что термин «синкретизм» в лингвистическом смысле ввел Л. Ельмслев, который в своей работе осмысляет синкретизм как общее явление языка. Синкретизм он рассматривает в качестве одной из основных лингвистических категорий и определяет как категорию, устанавливаемую совпадением. Ельмслев под термином синкретизм понимает три разных понятия, во-первых, омонимию грамматических форм, во-вторых, лексическую полисемию (многозначность слов), и, в-третьих, нейтрализацию фонем в слабых позициях (неразличение согласных фонем по звонкости-глухости в слабой позиции, напр., в словах *прут* и *пруд*). [HJELMSLEV 2016, 117–123]

В. В. Виноградов называл переходными, смешанными, «синкретическими» случаи совмещения в одной словоформе признаков разных членов предложения. По Виноградову, категория обстоятельства менее грамматична, потому что её морфологические признаки двойственные — наречия и формы косвенных падежей существительных (*жить около моря* — где? и около чего?), тогда как морфологическую основу определения составляют качественные и относительные прилагательные (*летняя ночь*), а дополнения — косвенные падежи существительных с предметным значением (*заниматься математикой*). [VINOGRADOV, ISTRINA 1960, 94–97]

П. А. Лекант учитывает только синтаксический синкретизм в сфере членов предложения. По Леканту, синкретизм — совмещение значений, свойственное разным членам предложения. [LEKANT 1988, 327–328] Таким образом он поддерживает точку зрения Виноградова, который «синкретическими» называл явления переходности в области второстепенных членов и находил в этих случаях совмещение значений разных членов предложения.

Важным является представление о синкретизме как о совмещении семантических и грамматических свойств разных языковых явлений, предложенное в конце 60 годов В. В. Бабайцевой. Именно она положила начало исследованиям явлений переходности и синкретизма в современном русском языке. Бабайцева ввела в лингвистику термин «синкретичные явления», которым обозначаются явления зоны синкретизма, находящиеся на пределе между двумя противопоставленными типичными категориями. [BABAJCEVA 2000, 235–236].

Хотя в русской лингвистике употребляется термин *синкретизм* с разными значениями и охватывает большое число языковых фактов, в чешской

лингвистической литературе его значение более узко. Термином *синкретизм* обозначается чаще всего выражение двух или больше грамматических значений одной формой (так наз. *падежный синкретизм*), напр., *ke stroji – ve stroji*. [САНА 2017]

Таким образом, по Е. В. Лапиной, термином синкретизм в лингвистике обозначается:

1. падежный синкретизм (одно окончание имеет значение разных падежей, один падеж выражается несколькими окончаниями),
2. языковая категория, устанавливаемая совпадением в парадигматических или синтагматических отношениях,
3. нейтрализация оппозиции (совпадение означающих при наличии разных означаемых),
4. совмещение свойств, противопоставленных друг другу единиц языка, связанных между собой явлениями переходности. [LAPINA 2013]

В настоящей статье мы будем придерживаться четвертого значения термина синкретизм, следовательно, будем рассматривать те явления, которые совмещают свойства двух или больше противопоставленных друг другу синтаксических единиц, образуя между ними зону переходности. Таким образом можно, по нашему мнению, все синтаксические явления распределить на типичные и синкретичные.

Синкретизм формальных средств выражения подчинительных синтаксических отношений в рамках синтагмы

Согласование, управление и примыкание образуют трехчленную оппозицию в рамках формальных средств выражения подчинительных синтаксических отношений (в русской грамматической традиции называемых синтаксическими связями) между членами предложения. Различие между ними основывается на том, каким способом определяется (или не определяется) господствующим словом форма зависимого компонента. Лингвисты или ограничиваются приведенной трехчленной классификацией без дальнейшего уточнения [BAUER, MRÁZEK, ŽAŽA 1960, 149–157; BABAJCEVA 2011, 95–101], или стараются привести более точную классификацию, различая полное и неполное согласование, сильное и слабое управление, собственно примыкание и падежное примыкание, причем некоторые из них отождествляют падежное примыкание и слабое управление [VALGINA, ROZENTAL' 1971, 311–313; POLITOVA 2001], другие их различают [KUBÍK 1982, 29–32; ŠVEDOVA 1980, 20–22], П. А. Лекант выделяет сильное и слабое управление, сильное и слабое примыкание [LEKANT 1988, 363–366]. Взгляды лингвистов на

формальные средства выражения синтаксических отношений расходятся именно в понимании управления и примыкания и в установлении границы между ними. Разнородность отдельных классификаций ведет, по мнению Е. С. Скобликовой, к разнобоям в понимании конкретных языковых явлений, напр., *ехать в лес / из леса, жить в городе / у моря* и т. п. Одни лингвисты считают, что данная связь — сильное управление, другие говорят о слабом управлении, третьи относят такие случаи к примыканию. [SKOBLIKOVA 2005, 18]

Если посмотреть на данную проблему с точки зрения теории языкового синкретизма, то управление и примыкание предсказывают собой крайние точки шкалы¹, на которой можно распределить все явления, которые нельзя отнести ни к типичному управлению, ни к собственно примыканию. Первая крайняя точка А представляет явления типичного управления, явления тесной, необходимой связи, при которой форма зависимого компонента точно определяется главным словом, напр., *číst knihu, toužit po slávě, smát se dítěti, sledit za dětmi, zabývat se o zdraví, strouhat školu*. Вторая крайняя точка Б представляет явления собственно примыкания, при котором подчинение зависимой формы никак формально не проявляется вследствие ее неизменяемости, напр., *zřívá hezku, vejce natvrdo, šel kouřit, говорить по-английски, ужинать вечером, пошёл купаться*. Между крайними точками распространяется зона синкретизма, в которой находятся многочисленные явления подчинительных связей с разной «силой» управления.

Главное слово может предопределять несколько возможных форм зависимого компонента, напр., *жить в городе / у моря / на море / недалеко от площади / под Москвой; bydlet ve městě / na náměstí / nedaleko centra / u rodičů* и т. п. В данных случаях форма зависимого компонента предопределяется, с одной стороны, валентностью главного слова и, с другой стороны, значением (чаще всего обстоятельственным) зависимого компонента. Ближе к примыканию находятся на шкале случаи, при которых использование той или иной формы зависит не от валентности главного слова, а только от значения зависимого компонента. Напр. *číst u okna, vrátit se v pondělí, učit se po večerech, написать через месяц, курить на улице, не успеть из-за болезни*. По И. Н. Политовой, приведенные две группы отличаются дифференциальным признаком предсказуемости. Предсказуемость зависимой формы в ее понимании является одним из признаков управления, непредсказуемость — примыкания. [POLITOVA 2001]

Установление «силы» управления осложняется также переходом существительных в наречия. Переход частей речи происходит, как правило, не сразу,

1 Так называемая *шкала переходности* была впервые употреблена для описания синкретических явлений В. В. Бабайцевой.

а постепенно. Форма существительного на своем пути к неизменяемому наречию должна сначала утратить значение предметности, связь с парадигмой существительного и возможность сочетаться с определением. Напр., словоформа *летом* (= в летнее время) уже лингвистами считается наречием, возникшим из творительного падежа имени существительного *лето*. Однако переход еще полностью не завершен, поскольку к ней можно добавить согласованное определение, напр., *поздним / жарким / прошлогодним летом*, что невозможно у наречий, так как они не обладают грамматическими категориями рода, числа и падежа. Следовательно, словоформа *летом* еще не утратила связь с именами существительными, несмотря на то что в предложении она употребляется в позициях типичных для наречий. Чем больше имя существительное превращается в наречие, тем больше оно становится неизменяемым, следовательно, утрачивает свою способность быть управляемым и, выполняя роль зависимого члена синтагмы, присоединяется к главному слову при помощи примыкания.

Синкретизм членов предложения

Анализируя структуру предложения, необходимо разбить его на составные части — члены предложения. В ходе данного процесса нередко возникают трудности, встречаются такие члены предложения, которые нельзя однозначно отнести ни к одной традиционно выделяемой лингвистами категории, так как они совмещают в себе свойства или признаки нескольких членов предложения. Такие члены предложения образуют зоны синкретизма во всей системе членов предложения. В рамках настоящей статьи ограничимся лишь несколькими примерами, с помощью которых можно продемонстрировать всю проблематику синкретичных членов предложения.

Зоны синкретизма в системе членов предложения распространяются, во-первых, в области между главными и второстепенными членами предложения, во-вторых, между отдельными второстепенными членами предложения (устанавливаются оппозиции дополнение-обстоятельство, дополнение-определение, определение-обстоятельство), и, в-третьих, за пределами второстепенных членов предложения с одной синтаксической связью.

В зону синкретизма между главными и второстепенными членами предложения, а именно между подлежащим и дополнением/обстоятельством, попадают члены предложения, выражающие субъект действия, но одновременно являющиеся зависимыми от предиката. Такие члены предложения встречаются как в русском, так и в чешском языке. Напр.: *Тебе еще заниматься. Его здесь нет. Водой сорвало мост. Памятник охраняется государством. Меня трясет.*

У меня болит голова. Вокруг засмеялись. Vyschlo jí v krku. Bylo nás pět. Byl jsem pokárán učitelem. V tu chvíli mě zamrazilo. Je to se mnou špatné. Doma se mě na to neptali. Выделенные жирным шрифтом члены предложения в приведенных выше предложениях являются синкретичными, так как субъект выражается не именительным, а косвенным падежом (реже наречием), вследствие чего, учитывая семантическую и формальную стороны, его нельзя считать ни подлежащим, ни дополнением, ни обстоятельством, ни каким-либо другим членом предложения. Значение субъекта действия или состояния типично для подлежащего, но позиция в предложении и формальное выражение соответствуют второстепенным членам предложения — дополнению или обстоятельству. Следовательно, семантическая и формальная стороны не соответствуют друг другу. Чешский русист Р. Мразек в статье «Синтаксические отношения и члены предложения» предлагает для подобных членов предложения название *субъектное дополнение* (по-чешски *subjektové určení, podmětové určení, subjektivý determinant*) [MRÁZEK 1961]. В литературе встречаются и другие наименования члена предложения с тем же или подобным значением, напр., *семантический субъект* [TESTELEK 2001, 348; FLÍDROVÁ, ŽAŽA 2005, 46], *синтаксический субъект* [BERTAGAJEV 1958; LEKANT 1969], *субъект действия* [BERTAGAJEV 1958], *косвенный субъект* [KUBÍK 1982, 52] и др.

В рамках синкретичных второстепенных членов предложения выделяются три их группы: во-первых, члены предложения, совмещающие признаки дополнения и обстоятельства, во-вторых, признаки дополнения и определения, в-третьих, признаки определения и обстоятельства.

Дополнение и обстоятельство обладают двумя сходными признаками — оба развивают глагол или прилагательное, оба могут быть выражены падежной формой существительного в широком смысле. Отличительным признаком является их семантика — выражают ли они объектное или обстоятельственное отношение, но отличить их друг от друга — задача нелегкая. В поисках границы между дополнениями и обстоятельствами лингвисты приходят к выводу, что такая граница расплывчата. [ŠMILAUER 1966, 170; KOPEČNÝ 1962, 211] Даже похожие друг на друга примеры трактуются в разных пособиях по грамматике то как дополнение, то как обстоятельство, ср.: *Povrch se pokryl rzí.* (обстоятельство [BAUER, MRÁZEK, ŽAŽA 1960, 304]), но *Pokryl záhony rákosem.* (дополнение [GREPL 1995, 431]) Существование зоны синкретизма между дополнением и обстоятельством можно обосновать, используя метод вопросов: Если к зависимому члену синтагмы можно задать как падежный, так и наречный вопрос (не только формально, но и по смыслу), то в нем смешивается объектная и обстоятельственная семантика. Ср.: *Мальчик сидел (на чем? где?) на стуле. Лена впадает (во что? куда?) в море Лаптевых Северного*

Ледовитого океана. На станции уже пахло (чем? как?) осенью. Odlepil se (od čeho? odkud?) od výčepu a nesl na tácku limonádu. Načmáral jsem vzkaz (na co? kam?) na papír a pospíchal do práce. (более об этом см. [SLOVÁK 2015])

Члены предложения, развивающие отглагольное существительное, часто совмещают в себе признаки определения и дополнения или обстоятельства. Напр., *строительство школы, обещание брату, движение вперед, dodržování pravidel, starost o děti, zatačka doprava*. С формальной точки зрения данные члены предложения являются несогласованным определением — они развивают имя существительное. Но с семантической точки зрения это дополнения или обстоятельства, так как они выражают объект или обстоятельство действия названного отглагольным существительным. Несоответствие формальной и семантической стороны на синтаксическом уровне вызвано в данном случае синкретичной природой отглагольных существительных на морфологическом уровне. Они, с одной стороны, являясь существительными, склоняются по образцам существительных, с другой стороны, образовавшись от глагола, они сохраняют способность управлять именами существительными. Ср.: *заботиться о животных* → *забота о животных, стремиться к свободе* → *стремление к свободе, rýsovat tuší* → *rýsování tuší, volat o potoc* → *volání o potoc*. Отглагольные имена существительные, образованные от переходных глаголов, управляют как правило родительным падежом без предлога: *читать книгу* → *чтение книги, рубить лес* → *рубка леса, psát článek* → *psaní článku, sypat popel* → *surání popele*. Синкретизм на синтаксическом уровне нередко вызван процессами, происходящими на морфологическом уровне языковой системы, чем подтверждается тесная связь морфологии и синтаксиса.

В зону синкретизма в системе членов предложения попадают также члены предложения с двумя синтаксическими связями и двумя господствующими словами, напр.: *Она кормила цыплят и вдруг, не охнув, упала мертвая*. Л. Д. Чеснокова ввела для таких и им подобных членов предложения название *дуплексив* (в чешской грамматической традиции *doplňěk*) (более об этом см. [ČESNOKOVA 1973]). Термин *дуплексив* приняли также чешские русисты, однако можно встретиться и с другими названиями, напр., *второе сказуемое* [ISAČENKO, VÁGNEROVÁ, SEKANINOVÁ, 1955, 351], *состояние* [ADAMEC 1968, 14], *присказуемое* [SVETLÍK 1966, 25]. Дуплексив вместе с двумя господствующими словами образует трехчленную распадающуюся на две части предикативно-детерминативную синтагму, напр., *Она упала мертвая: она мертвая* — предикация, *упала мертвая* — детерминация. Дуплексив как член предложения выделяется не всеми лингвистами, некоторые русские лингвисты считают такие члены предложения частью сложного именного предиката [VINOGRADOV, ISTRINA 1960, 414–487]. Другие понимают дуплексив шире,

выделяя и дуплексивы, выраженные инфинитивом, напр.: *Ему разрешили уехать*. Такие члены предложения считаются чешскими лингвистами инфинитивным дополнением.

Синкретизм типов предложений по общей модальности

Общая модальность, будучи одним из видов широкой языковой категории модальности, является одной из основных черт предложения и служит для выражения отношения говорящего к высказыванию. Она представляет собой единство двух составляющих — структуры предложения, т. е. формального выражения, и коммуникативной функции. Релевантными для выявления категории модальности элементами формальной структуры можно считать морфологическую категорию глагольного наклонения, образующую ядро категории модальности, порядок слов, интонацию (выражаемую в письменной речи знаками препинания в конце предложения), далее глагольное время и разного рода лексические единицы (модальные предикативы, частицы и т. п.). В рамках общей модальности выделяются следующие коммуникативные типы предложений: повествовательные, вопросительные, побудительные и пожелательные.

Каждый коммуникативный тип предложения имеет определенную формальную структуру, которая в типичных случаях соответствует семантике (коммуникативной цели) предложения. Несмотря на тот факт, что существует явная взаимосвязь между структурой предложения и его коммуникативной функцией, следует учесть, что в определенных, контекстуально обусловленных случаях они могут не совпадать. Можно выделить две разновидности синкретичных предложений, во-первых, предложения, формальная структура которых не соответствует их ожидаемой коммуникативной функции, во-вторых, предложения, выполняющие больше коммуникативных функций одновременно.

Здесь мы более детально обсудим синкретичные явления в оппозиции повествовательные — побудительные предложения. Первый тип синкретичных предложений образуют предложения, побудительные по своей структуре, но повествовательные по своей коммуникативной функции, и, наоборот, предложения, повествовательные по своей структуре, но побудительные по своей коммуникативной функции. Второй тип синкретичных предложений можно продемонстрировать на предложениях с инфинитивным предикатом.

Предложения, побудительные по своей структуре, но повествовательные по своей коммуникативной функции, встречаются прежде всего в русском языке. По Г. Флидровой, Конструкции с формой императива имеют значение должностовования (*На улице праздник, а я сиди дома. Вот вы грешите, а начальство за*

вас отвечай), неожиданного действия (*Все засмеялись, а он возьми и рассердись. А он проснись, как на грех.*), условия (*Знай я его характер, я бы не пытался ему возражать. Приди он на час раньше, ничего бы не случилось.*²), уступки (*Хоть всю землю обойди, а лучшие моей страны не найди.*), пожелания (*Отсохни язык, если я вру.*), сомнения в реализации ожидаемого действия (*Вот и верь тебе!*), возможности, легкости реализации действия (*У них клади сахара в стакан хоть по пяти кусков.*) или возможности, являющейся следствием какой-то ситуации (*Там накурено, хоть топор вешай.*) [FLÍDROVÁ 2015, 75–78]. Данным конструкциям в чешском языке соответствуют конструкции с индикативом или кондиционалом: *Venku se všichni veselí a já abych seděl doma. Všichni se zasmáli, jen on se zničehonic rozzlobil. Kdybych (byl) znal jeho charakter, tak bych mu (byl) nevzdoroval. I kdyby člověk obešel celou zeměkouli, lepší zemi, než je ta naše, by nenašel. Ať mi upadne jazyk, jestli lžu. A pak aby ti člověk věřil. U nich si dávají / mohou dávat do šálku třeba pět kostek cukru. Je tam nakouřeno, že by se to dalo krájet.* В чешском языке существуют только единичные примеры предложений с такой структурой. Они употребляются для выражения условно-уступительного значения (*Dělej co dělej, stejně ho nepřesvědčíš. Čiň čertu dobře, peklem se ti odmění.*), условного значения связанного с предостережением (*Pak mu něco řekni a máš malér.*) или невозможности реализации действия (*Pak takového člověka někam pozvi.*).

С другой стороны встречается несоответствие формы и семантики в предложениях, в которых в роли предиката выступают формы индикатива, но коммуникативной функцией которых являются разные оттенки побуждения. Формы индикатива могут быть будущего времени (*Завтра ты пойдешь и скажешь ему об этом. — Zítرا půjdeš a řekneš mu to.*) или настоящего времени (*Слушаем внимательно! — Posloucháme pozorně!*). В русском языке можно для выражения побуждения использовать также форму индикатива прошедшего времени, причем такие формы могут быть как инклюзивными (*Поехали дальше! — Jedeme dál.*), так и эксклюзивными (*Замолкли все! — Mlčte!*). Также предложения, предикат которых выражен сослагательным наклонением, могут выступать в роли повествовательно-побудительных предложений. Такие предложения зачастую служат для выражения совета: *Ты бы похудел.* Русскому полнознаменательному глаголу в чешском языке соответствует сочетание

2 В сложных предложениях данного типа наблюдается также несоответствие синтаксических отношений его составных частей с формальными средствами их выражения. Данные предложения являются сложноподчиненными, но их отношение выражается не типичными для такого отношения средствами гипотаксиса — подчинительными союзами или относительными словами, а средством паратаксиса — бессоюзием, что типично для сложносочиненных предложений.

личной формы модального глагола и инфинитива полнозначительного глагола: *Měl bys zhubnout*.

В русском и чешском языке существуют также предложения, предикат которых выражен только инфинитивом, несущие коммуникативные функции разного рода. Инфинитив, не обладая категорией наклонения, не является основным средством выражения определенной коммуникативной функции. В отличие от предыдущих явлений, в которых синкретизм вызван несоответствием формы и семантики, инфинитивные предложения в себе могут сочетать коммуникативные функции повествования и побуждения одновременно. Такие предложения, однако, встречаются только в русском языке, так как предикат их чешских эквивалентов содержит в большинстве случаев модальный глагол. Они выражают строгую рекомендацию (*Больному лечь в кровать. Детям заниматься спортом.*), предложения с частицей *не* выражают запрет (*Сотрудникам в помещении не курить.*), предложения с частицей *бы* — мягкий совет (*Вам бы лечь в кровать. Вам бы заниматься спортом. Вам бы не курить.*). Все приведенные предложения, с одной стороны, выражают констатацию факта (типичная черта повествовательных предложений), одновременно наблюдается явная коммуникативная цель приведенных предложений — заставить адресата реализовать или не реализовать определенное действие (типичная черта побудительных предложений). Следовательно, такие предложения нельзя на основе ни формальных, ни семантических критериев отнести ни к повествовательным, ни к побудительным предложениям, вследствие чего считаем их синкретичными.

В настоящей статье мы сосредоточились только на выбранных синтаксических явлениях, однако, подытоживая наши наблюдения, можно сказать, что деление синтаксических явлений на типичные и синкретичные позволяет естественно описать весь синтаксический уровень языка. Использование теории грамматического синкретизма при описании синтаксического уровня языка, по нашему мнению, упрощает данный процесс, так как при помощи одной теории и одной терминологии можно описать явления, традиционно рассматриваемые в рамках транспозиции, многозначности, полифункциональности, или возникающие в результате эллипсиса и других процессов. Таким образом можно на разные явления смотреть сквозь призму единой языковой теории.

Проанализировав конкретный языковой материал, можно сказать, что синтаксический синкретизм встречается как в русском, так и в чешском языке. Параллельно встречаются синкретичные явления в обоих языках в области формальных средств выражения синтаксических отношений (синтаксических связей) или в области неоднозначных членов предложения. Однако синкретизм коммуникативных типов предложений в оппозиции повествовательные —

побудительные предложения отличается в русском языке большей разнообразностью по сравнению с чешским языком, поскольку в русском языке здесь активно используются и другие специфические грамматические структуры, не встречающиеся в чешском языке. Изучение таких структур и возможностей их перевода на чешский язык можно считать вкладом также в преподавательскую и транслатологическую практику.

Библиография:

- ADAMEC, P. (1968): *Nárys transformační syntaxe ruštiny*. Olomouc.
- BABAJCEVA, V. V. (2000): *Javlenija perechodnosti v grammatike ruskogo jazyka*. Moskva.
- BABAJCEVA, V. V. (2011): *Sistema členov predloženia v sovremennom ruskom jazyke*. Moskva.
- BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Průruční mluvnice ruštiny pro Čechy 2, Skladba*. Praha.
- BERTAGAJEV, T. A. (1958): *Subʹjekt i podležaščee*. *Voprosy jazykoznanija*, 1958, № 5, s. 65–69.
- САНА, Р.: *Synkretismus*. <https://www.czechency.org/slovník/SYNKRETISMUS>. [online]. [cit. 23. 8. 2017].
- ČESNOKOVA, L. D. (1973): *Semantičeskije tipy členov predloženia s dvojnymi otnošeniami*. Rostov-na-Donu.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Sintaksis ruskogo jazyka v sopostavlenii s češškim*. Olomouc.
- FLÍDROVÁ, H. (2015): *Sinkretizm nekotorych glagol'nych form (v rusko-češškom sopostavitel'nom plane)*. In: VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol: *Teoretičeskije i prikladnyje aspekty lingvističeskoj sinkretologii*. Olomouc, s. 67–82.
- GREPL, M. a kol (1995): *Průruční mluvnice češštiny*. Praha.
- HJELMSLEV, L. (2016): *O základech teorie jazyka*. Praha.
- ISAČENKO, A. V., VÁGNEROVÁ, V., SEKANINOVÁ, E. (1955): *Grammatika ruskogo jazyka dlja X–XI klassov obščeeobrazoval'nych škol*. Bratislava.
- KOPEČNÝ, F. (1962): *Základy české skladby*. Praha.
- KUBÍK, M. a kol. (1982): *Ruskij sintaksis v sopostavlenii s češškim*. Praha.
- LAPINA, Je. V. (2013): *K voprosu o sinkretizme vtorostepennyh členov predloženia*. *Gumanitarnyje naučnyje issledovanija*, 2013, № 4. <http://human.snauka.ru/2013/04/2727>. [online]. [cit. 24. 8. 2017].

- LEKANT, P. A. (1969): *K voprosu o sintaksičeskom sub”jekte*. *Voprosy filologii*, 1969, s. 197–204.
- LEKANT, P. A. (red.) (1988): *Sovremennyy russkij literaturnyj jazyk*. Moskva.
- MRÁZEK, R. (1961): *Sintaksičeskije otnošenija i členy predloženiya*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná. A9, 1961, s. 47–60.
- POLITOVA, I. N. (2001): *Perechodnyje javlenija v oblasti upravlenija i primykanija*. In: ŠTAJN, K. Ě. (ed.): *Jazykovaja dejatel’nost’: perechodnost’ i sinkretizm*. Moskva–Stavropol’, s. 176–178.
- SKOBLIKOVA, E. S. (2005): *Soglasovanije i upravlenije v russkom jazyke*. Moskva.
- SLOVÁK, V. (2015): *Sinkretizm v sisteme členov predloženiya: dopolnenije i obstojatel’stvo*. In: VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol: *Teoretičeskije i prikladnyje aspekty lingvističeskoj sinkretologii*. Olomouc, s. 109–132.
- SVETLÍK, J. (1966): *Sintaksis russkogo jazyka: v sopostavlenii so slovackim*. Bratislava.
- ŠMILAUER, V. (1966): *Novočeská skladba*. Praha.
- ŠVEDOVA, N. Ju. (red.) (1980): *Russkaja grammatika*. Moskva.
- TESTELEČ, Ja. G. (2001): *Vvedenije v obščij sintaksis*. Moskva.
- VALGINA, N. S., ROZENTAL’, D. Ě. (1971): *Sovremennyy russkij jazyk*. Moskva.
- VINOGRADOV, V. V., ISTRINA, Je. S. (red.) (1960): *Grammatika russkogo jazyka. Tom II — Sintaksis*. Moskva.

Příspěvek vznikl za podpory MŠMT, grant IGA_FF_2017_026 Text a intertextualita ve slovanských literaturách a kultuře 1.

Об авторе

Václav Slovák, Palacký University in Olomouc,
Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Olomouc, Czech Republic,
vaclavslovak@seznam.cz